объеме оборудования. Но и в большинстве тех случаев, когда имеет место увеличение численности рабочих при неизменном объеме оборудования, производительность труда также повышается, а не падает, так как увеличение числа рабочих ведет к новому разделению труда. Теория убывающей производительности абстрагируется от повышения производительности труда в результате его кооперирования» [1, с. 297]. На самом деле авторы иллюстрируют примером не закон убывающей производительности факторов производства, а **закон возрастающе-убывающей производительности факторов производства**, согласно которому *по мере увеличения фактора производства, при фиксированном количестве других факторов, его производительность сначала растет, достигает максимума, а затем уменьшается.*

Результаты исследования были обсуждены на кафедре экономической теории в ВГУ имени П.М. Машерова и на международных научно-практических конференциях в г. Минске.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в микроэкономике действует закон возрастающе-убывающей производительности факторов производства, использование требований которого в экономической практике позволяет находить оптимальное количество переменного фактора, обеспечивающего максимум его производительности.

Список литературы

1. Афанасьев, В.С. Этапы развития буржуазной политической экономии: (Очерк теории) / В.С. Афанасьев. – М.: Экономика, 1985.
2. Базылев, Н.И., Базылева М.Н. Экономическая теория: Учебник для студентов экономических специальностей высших учебных заведений / Н.И. Базылев, М.Н. Базылева. — Мн.: Книжный Дом, 2004.
3. Макконнелл, К.Р., Брю С.Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т.: пер. с англ. 11-го изд. Т. 2. – М.: Республика, 1992.
4. Экономическая теория: учебник / И.В. Новикова [др.] ; под ред. И.В. Новиковой, Ю.М. Ясинского. – Минск : ТетраСистемс, 2011.
5. Экономическая теория: Учеб. пособие / Под общ. ред. Л.Н. Давыденко. – Мн.: Выш. шк., 2004.

АВТОБИОГРАФИИ ЧЛЕНОВ РКП(б) ПЕРИОДА ЧИСТКИ 1921 Г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАВт)

Г.Н. Яковлева
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Для историков автобиография – это вид исторического свидетельства, главной отличительной особенностью которого является субъективно-личностный характер. Оценки значения автобиографий как исторического источника неоднозначны. Некоторые современные исследователи все чаще настаивают на необходимости рассмотрения автобиографий как специфических социальных и культурных практик, существующих в конкретных исторических контекстах. Главным сторонником интерпретации автобиографии как социальной практики стала Габриэла Янке, сформулировавшая проблему соотношении между свидетельствами о себе и конкретными историческими обстоятельствами, в которых они появились. Внимание исследователя, считает Янке, должно концентрироваться на ситуации написания текста как акта коммуникации, «на времени, в котором писали авторы, а не на времени, о котором они писали». Тогда тексты выступят как социальные поступки их авторов, а авторы предстанут как общественные существа, относящиеся к конкретной социальной, профессиональной, религиозной группе и действующие внутри определенных социальных контекстов и связей [1].

Цель статьи – рассмотреть автобиографические свидетельства как вид социальной практики на примере автобиографий, которые написаны строго фиксированному адресату – проверочным комиссиям, созданным для проведения чистки РКП(б) в 1921 г. В них особенно четко видны смещения и акценты, мотивированные с точки зрения реалий 1921 г.

Репозиторий ВГУ

Материал и методы. Источниковую базу работы составляют: делопроизводственные материалы центральных и местных органов власти; источники личного происхождения (автобиографии местных большевиков, сохранившиеся в Государственном архиве Витебской области). Делопроизводственные материалы представлены документами Витебского губкома РКП(б), центральной и губернской проверочных комиссий.

В работе использованы количественные, а при анализе автобиографического материала историко-психологические методы.

Результаты и их обсуждение. При отборе автобиографий учитывалась их репрезентативность: присутствие исследуемых характеристик коммуниста в тексте, наличие всех фрагментов источника, а также доступность авторского рукописного почерка. Автобиографиям свойственна неоднородность, то есть наличие так называемого «свободного текста». Особенно много его у лиц с высоким уровнем образования, активных участников революционного движения и лиц творческих профессий. Есть автобиографии, которые написаны на 7 – 8 страницах, есть – на 1 – 1,5. Материалы чистки чрезвычайно информативны для традиционного исследования. Так, они подтверждают тот факт, что коммунисты-евреи играли значительную роль в партийных и советских структурах Витебской губернии первых лет революции. Интересны документы и в плане использования их для реконструкции морального облика партийца тех лет. Протоколы полны пометок следующего плана: «считать выбывшим как ушедшего от коммунизма и ставшим обывателем»; имеет прислугу, занимался самоснабжением и др. Отражают эти автобиографии и то, как партийцами был воспринят НЭП.

Но нам интересно то, как именно в условиях чистки писали о себе и своём прошлом конкретные люди. Это представление себя было частью процесса коммуникации с другими людьми. В ходе этой коммуникации как раз и формировался нужный автору на тот момент образ его «Я». «При наличии правовых и административных структур, которые осуществляли дискриминацию по классовому признаку, люди, естественно, стремились составлять автобиографии так, чтобы скрыть плохие с классовой точки зрения моменты, а сомнительные – представить в наиболее выгодном свете» [4, с. 14]. Например, все члены латышской секции при губкоме РКП(б), проходившие чистку, в автобиографиях начинали описание своей жизни с факта рождения в семье, которая имела «правильное» социальное происхождение. Подчеркивали трудное детство, работу с ранних лет (с 8 лет служил при хозяине, подрабатывала прачкой, в детстве работал пастухом). Мужчины обязательно подчеркивали службу в армии, даже царской, упоминали награды, ранения, плен, воинское звание. Интересна, в этом смысле, «героизированная» автобиография А. Плуксне, который обозначил 18 пунктов биографии, описывая собственное боевое прошлое. Так, он подробно описал, как в 1916 г. солдаты батальона, в котором он служил, после ареста Плуксне за распространение политической литературы, отказались идти в наступление. Батальон был арестован. 72-х человек, приговоренных к расстрелу, вывезли в лес, рассчитали на 1-й, 2-й, 3-й и каждый третий был расстрелян. Сам Плуксне был вторым, поэтому остался жить. В 1918 г. в качестве командира взвода отправлен в Жлобин, попал в плен, бежал из него, захватил в таковой 30 гайдамаков с лошадьми (!) [2, л. 29 – 29об.].

Имеют свою специфику автобиографии, которые в ходе проверки писали местные партийцы, стоявшие на учете в ячейке Губнаробраза. На тот момент в структуру губоно входили учреждения культуры. Общеизвестно, что в этой среде работало много творческих людей и выходцев из других партий. Некоторые из них написали целые «рассказы о себе». Таким своеобразным почти литературным повествованием является автобиография Дионесова-Левинсона. Сын крупного витебского предпринимателя, не имевший особых революционных и боевых заслуг, он написал, тем не менее, текст на 7 страницах. Подробно описав детство, семью, родственников по линии матери, преследовавшихся властями, он особенно акцентировал внимание на тех знаменитых поэтах, с которыми его сталкивала судьба во время пребывания в Крыму и на Украине (М. Волошин, О. Мандельштам и др.), своё увлечение стихами [3, л. 196 – 199].

В системе губоно тогда работало много партийцев-евреев. Как правило, у них была сложная ситуация с социальным происхождением. И они писали о нём так, чтобы отретушировать, сгладить ситуацию. Например, указывали, что родители – служащие, но не

Репозиторий ВГУ

конкретизировали информацию. Указывая буржуазные корни родителей, как правило, подчеркивали *мелко*буржуазность семьи. Приведем некоторые примеры таких сложных конструкций в автобиографиях: «Сын бедного мещанина-лавочника (мелкого)», «родился в Витебске в трудовой семье, но впоследствии отец сделался мелким собственником», «отец – приказчик. Впоследствии сделался мелким лавочником». Один из видных местных партийцев Р., проработавший до революции мастером фотографии пять лет, как бы смягчая этот факт, особо подчеркивал, что до 11 лет обучался в народном училище, причем, прокомментировал этот факт так: «в том училище, где обучались только пасынки буржуазной системы» [3]. Многие были сионистами или членами Бунда и тогда еще не очень скрывали то, что сначала не поняли или даже не приняли Октябрьской революции. Тов. Х. писал, что являлся сионистом до 1917 г. Был в годы Гражданской войны на Украине, на него так «подействовала гетманщина и деникинщина», что после этого вступил в РКП. Часто нежелание служить в армии интерпретировали как осуждение империалистической бойни или нежелание служить именно в царской армии. «В 1916 г. уехал в Саратов, чтобы уйти от рук царской армии».

Заключение. Изученный материал позволяет согласиться с мнением Ш. Фицпатрик о том, что советские люди должны были конструировать свои биографии, опираясь на подвижные, зыбкие «классовые» категории. В этих условиях автор автобиографии «стремится не к открытию своего “Я” в обычном смысле слова, а, скорее, к открытию удобного для себя “Я”» [4, с. 177].

Список литературы

1. Зарецкий, Ю. История субъективности и история автобиографии: важные обновления / Ю. Зарецкий // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – 2012. – № 3 (83). – Режим доступа: www.nlobooks.ru. – Дата доступа: 7.01.2014.
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВт). – Фонд 9-п. – Оп. 5. – Д. 120.
3. ГАВт. – Фонд 9-п. – Оп. 5. – Д. 95.
4. Фицпатрик, Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик. – М.: РОССПЭН, 2011. – 373 с.

Репозиторий ВГУ